

Свечи трепетали, отбрасывая дрожащие тени. Цинь Цзюнь провела на коленях в Императорском храме уже добрую половину часа, не ведая, что Император Цинь-Чжоу, получив весть, уже мчится сюда.

Из-за поворота галереи мелькнул край жёлтого, императорского одеяния. Вслед за ним, спотыкаясь на упавший ком снега, поспешал евнух. «Ой-ой, Ваше Величество, осторожнее под ногами!»

Мужчина в халате, расшитом тиграми и драконьими когтями, шёл стремительно, брови грозно сведены. Слуги и служанки в галерее в панике повалились на колени.

Цзиньсю поспешно склонилась. «Ваше Величество...»

Император Цинь-Чжоу с силой распахнул дверь, и в храм ворвался резкий порыв ветра.

Цинь Цзюнь поднялась. Несколько дней беспамьятства сделали её тело слабым, и она слегка пошатнулась.

Император широко шагнул внутрь. Под тяжестью его царственного взора на лице Цинь Цзюнь мелькнула тень растерянности. Собравшись с мыслями, она неуклюже сделала поклон. «Отец...»

Не успев договорить, она оказалась в крепких объятиях. «Цзюнь!»

Присутствующие удалились, и в храме остались лишь отец и дочь. Император опустился на одно колено, его могучие плечи внезапно сникли, а голос задрожал, прерываясь: «Дочь моя наконец пришла в себя».

Руки Цинь Цзюнь, спрятанные в широких рукавах, сжались, потом разжались. Помедлив мгновение, она обняла Императора за плечи. «Отец».

«Не сердишься ли на отца?» — крепче прижал её к себе Император. «Мать твоя отошла... когда рожала тебя. Кровотечение не смогли остановить. Я не говорил, боясь огорчить тебя. Не знал, что служки наболтают лишнего, и ты подслушаешь».

Ветер колыхнул пламя свечей. Цинь Цзюнь, глядя поверх императорского плеча, видела, как огоньки трепещут и пляшут, пока постепенно, очень медленно не успокаивались, превратившись в лёгкую струйку дыма, проплывшую мимо лица Императора.

Цинь Цзюнь покачала головой. «Не сержусь».

Император отпустил её. Глаза его были красны, но на губах дрожала улыбка. «И сколько тебе лет, а всё отца обнимаешь».

Пламя свечей поутихло, и лишь одна свеча перед табличкой Ли Юэин продолжала подрагивать.

Цинь Цзюнь слабо улыбнулась. Она чувствовала — Шестая принцесса уходит. И с её уходом исчезнет и этот призрачный дух.

Тут Император отпустил её, зажёл три благовонные палочки и поклонился ряду предков. Затем зажёл ещё три и долго стоял перед табличкой Ли Юэин.

Он смотрел на табличку с нежностью и медленно улыбнулся. «Слава Небесам, Цзюнь

очнулась. Иначе, явись я к тебе через сто лет, ты бы снова меня отругала».

Наконец свеча дрогнула ещё дважды, её огонёк уже казался совсем слабым. Цинь Цзюнь вздохнула, подошла, зажгла три благовония и поклонилась вместе с Императором табличке Ли Юэин.

«Иди с миром», — сказала она.

Огонёк дрогнул раз, затем, спустя долгую паузу, ещё один.

Цинь Цзюнь мысленно добавила: «Лишь в эти несколько лет я сделаю всё, что в моих силах. Если не выйдет — не вини меня. Счти это возвращением тех лет жизни, что ты мне подарила. Уходи спокойно».

Сердцевина пламени слегка качнулась и вдруг погасла, обратившись в тонкую белую струйку, что растворилась в воздухе.

С уходом Шестой принцессы в Цинь-Чжоу больше не стало принцессы, готовой погибнуть за страну.

Осталась лишь она, эта «заморская штукавина». Цинь Цзюнь горько усмехнулась про себя и взглянула на лицо Императора. Ему было уже за пятьдесят, виски тронула седина, а у глаз и на щеках залегли глубокие морщины. Сейчас он смотрел на погасшую свечу, погружённый в думы.

«Отец?» — тихо позвала она.

Император очнулся, и на его лице появилась печальная улыбка. «Не знаю почему, но когда увидел, как свеча погасла, в сердце будто пустота образовалась. Будто что-то ушло».

«Вероятно, ветер задул, — мягко сказала Цинь Цзюнь. — Не придавайте значения, отец».

«Может, мать твоя всё ещё гневается на меня из-за тебя», — усмехнулся Император.

Цинь Цзюнь отвернулась, и в носу у неё вдруг защекотало.

Отец и дочь постояли в тишине ещё мгновение, а затем, вернувшись в покои принцессы в Чертоге Ядра Феникса, разделили скромную трапезу.

Цинь Цзюнь поела нехотя и прилегла, а Император оставался рядом, пока она не заснула, и лишь тогда удалился.

—

Цинь Цзюнь продержали в покоях три дня, прежде чем разрешили выйти подышать воздухом. За это время Император навещал её несколько раз, осыпав дорогими подарками.

Она попыталась рассказать о событиях, связанных с Цзи Сы и Шестой принцессой, но обнаружила, что не может вымолвить ни слова. Уединившись в кабинете, она пыталась записать по памяти содержание «Хроник мести принцессы», но всякий раз, едва она касалась этих мыслей, виски пронзала острая, будто иглами, боль. Накануне боль скрутила её так, что она лишилась чувств, а очнулась вся в холодном поту.

Сяо Таоцзы сказала: «Ваше Высочество, не тревожьтесь. Тех старых служак, что болтали

лишнее, Император уже наказал. Более того, он запретил слугам распускать сплетни под страхом суровой кары».

«Сколько осталось до Юаньхуэй?» — спросила Цинь Цзюнь.

Цзиньсю ответила: «Ваше Высочество, чуть больше месяца».

После великого праздника наступит тот самый день — восемнадцатое число второй луны, когда вся страна будет ликовать. И день, когда Цзи Сы официально начнёт принимать гостей.

«Ваше Высочество столько времени болели, наверное, вам очень скучно! — сказала Сяо Таоцзы. — В первый месяц года столько празднеств, вы могли бы и из дворца выйти, развеяться».

«После Юаньри будет фестиваль фонарей, — с восторгом продолжала она. — Князья, приехавшие в Верхнюю столицу с докладом, останутся до конца месяца. Целый месяц будет так весело!..» Она вдруг вскрикнула «ой!», получив лёгкий удар бамбуковой шпулькой для вышивания от Цзиньсю.

Та сказала спокойно: «Не смущай Ваше Высочество».

Однако мысли Цинь Цзюнь витали далеко от празднеств. В первый месяц года, помимо трёх больших торжеств, в городе проходило множество событий — прекрасный шанс для Цзи Сы часто появляться на людях, заводить связи с могущественными семьями и взвинчивать свою цену. А к концу месяца, на пиршестве у воды, когда залы наполнятся гостями, должен был состояться официальный аукцион её первой ночи.

Этот человек, что ныне держал в руках её жизнь и смерть... был началом всех грядущих бед.

Убивать её она не хотела. За эти дни Цинь Цзюнь много передумала. Если Цинь-Чжоу суждено пережить эту катастрофу, то почему бы не использовать Цзи Сы, которая в будущем станет великой генеральшей, покорившей Цзян? Опасение было лишь в том, что её будет трудно приручить.

Цинь Цзюнь погрузилась в раздумья так глубоко, что не заметила, как чашка опрокинулась и чай залил её юбку.

«Ваше Высочество!»

Цзиньсю и Сяо Таоцзы бросились помогать ей переодеться.

«Ничего, — сказала Цинь Цзюнь, держа в руках грелку и покорно позволяя им снимать промокшую одежду. — Позовите четвёртого брата во дворец. Скажите, что мне наскучило сидеть в покоях и я хочу погостить у него в резиденции».

Цзиньсю почтительно ответила: «Слушаюсь».

Сяо Таоцзы спросила с энтузиазмом: «Но как же Его Величество?..»

«Хм, — сказала Цинь Цзюнь. — Если отец будет беспокоиться, пусть приставит ко мне придворного лекаря из Императорской медицинской академии».

Сяо Таоцзы радостно воскликнула: «Есть!»

Цинь Цзюнь улыбнулась, и в её глазах, что все эти дни были будто в тумане, наконец блеснул свет. Она наклонила голову, разглядывая свои руки и ноги сквозь ткань одежд. Кожа была несравнимо лучше, чем в её прошлой жизни, изменилась и сама стать. Черты лица Шестой принцессы были схожи с её собственными, но её прежнее тело давно истощила болезнь, и она уже забыла, как выглядит, полная сил.

Разве что Шестая принцесса была, кажется, невысокого роста. Но она ещё не достигла совершеннолетия — могла и подрасти.

—

На следующий день.

«Шестая сестрица наконец соизволила меня принять? Поправилась?» — с улыбкой спросил Цинь Куан, ловко скинув плащ и усевшись в карету.

Цинь Цзюнь сидела на короткой скамье, прижимая к груди тёплую грелку. Увидев четвёртого принца, она на мгновение замерла, сверяя его лицо с памятью, и лишь потом сказала: «Не я не хотела, это отец велел как следует отдыхать».

Четвёртый принц, Цинь Куан, по имени Минхуай. Самый беспечный и бестолковый из всех сыновей Императора Цинь-Чжоу. Его судьба оказалась даже печальнее её собственной: он позволил себе поиграть чувствами Цзи Сы, и в итоге её брат, Цзи Цунь, предал его жестокой казни — разрыванию колесницами.

Глядя на Цинь Куана, Цинь Цзюнь вдруг почувствовала нечто вроде странного родства душ. «Четвёртый брат».

«А? Что такое?» — отряхивая с верхней одежды снег, отозвался он. «Так рада видеть братца?»

Цинь Цзюнь сдержанно улыбнулась, мысленно отметив: «Конечно, не скажу тебе, что ты простофиля, который ни за что не догадается, что сестру подменили. Хоть не придётся изображать из себя кого-то другого».

«Как успехи в учёбе? — спросила она с лёгкой улыбкой. — В Высшей академии сегодня так рано занятия закончили?»

Цинь Куан задорно приподнял бровь. «Ваш покорный слуга, — быстро подмигнул он ей, — разумеется, сбежал пораньше!»

Цинь Цзюнь фыркнула и рассмеялась, слегка подрагивая плечами.

За окном кареты Цзиньсю и Сяо Таоцзы переглянулись и улыбнулись. Четвёртый принц, хоть и был ветреным, оставался самым простым и общительным из всех четырёх принцев. Ему было восемнадцать.

За свою любовь к пустым разглагольствованиям он навлёк на себя гнев Императора. Даже младший на два года пятый принц уже командовал войсками на границе, а он то и дело получал выговоры, не имея при дворе никакой серьёзной должности. Лишь титул уездного князя да доходы с отдалённого владения — и жизнь праздного аристократа в столице.

Показав пропуск у дворцовых ворот, кучер щёлкнул кнутом, и лошади тронулись. Голос Цинь Куана тут же стал громче, и вскоре из кареты донёсся его раскатистый смех. Копыта стучали

по утрамбованному снегу, взметая белые брызги. Цинь Цзюнь приподняла занавеску окна, и взору её открылась вся громада Верхней столицы.

<http://bllate.org/book/16274/1465024>